

10. Мурсалимова, Ю. Р. Концепт ВЕРА в языковой картине мира человека / Ю. Р. Мурсалимова // Теория и практика языковой коммуникации. – Уфа, 2012. – С. 242–246.
11. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический бюллетень. – Уфа, 2012.
12. Общественное мнение-2009. – М., 2009.
13. Салихова, Э. А. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме / Э. А. Салихова. – Уфа, 2012.
14. Салихова, Э. А. Религиозное знание с точки зрения категорий «значение» и «знание» / «познание» / Э.А. Са-

- лихова, Ю.Р. Мурсалимова // Вестник ВЭГУ. Сер.: Филология. – 2013. – №2(64). – С. 125–130.
15. Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан. – М., 2012.
16. Уфимцева, А. А. Лексическое значение. Принципы семасиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М., 1986.
17. Юнусова, А. Б. Ислам в Башкортостане / А. Б. Юнусова. – М., 2007.
18. Salikhova, E. A. Special aspects of personal linguistic identity / E. A. Salikhova, Yu. R. Mursalimova // Педагогический журнал Башкортостана. – 2015. – № 1(56). – С. 173–179.

УДК 811. 161.1: 821. 161.1

Е. А. Стрельцова

*Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор И. А. Сыров
Башкирский государственный университет*

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ МУЖЧИНЫ В ТЕКСТАХ В. ТОКАРЕВОЙ

Статья посвящена анализу языковой личности мужчины в текстах В. Токаревой. Характеристика языковой личности дана с учетом выделения трех групп мужских образов. За основу описания взята модель языковой личности, созданная Ю. Н. Карауловым.

Языковая личность, языковая личность персонажа, женская проза, интериоризованный дискурс, несобственно-прямая речь.

This article is devoted to the analysis of the language personality of a man in V. Tokareva's texts. Characteristic of the language personality is given taking into account the allocation of three groups of men's images. The model of the language personality created by Y.N.Karaulov was taken as the basis of the description.

Language personality, language personality of the character, women's prose, discourse, indirect discourse.

Введение.

В кругу проблем современной антропоцентрической лингвистики (неолингвистики) особое место занимает понятие «языковой личности». Наиболее полное и систематическое обоснование понятия «языковая личность» изложено в работах Ю. Н. Караулова и его последователей. Ю. Н. Караулов под языковой личностью понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)...» [3, с. 39].

Для нашего исследования интерес будет представлять не языковая личность, как представитель некоего социума, а языковая личность персонажа художественного текста. Л. Н. Чурилина отмечает: «Поскольку единственной материальной субстанцией существования героя в тексте является язык, а точнее – слово, анализ организации лексического уровня художественного текста может дать ключ к описанию персонажа как модели языковой личности» [11, с. 14]. Учитывая этот факт, в работе мы будем опираться на точку зрения Ю. Н. Караулова, согласно которой представляется возможным подходить к языковой личности персонажа «как к реальному лицу» [3, с. 39].

При характеристике персонажей мы будем придерживаться модели языковой личности, созданной Ю. Н. Карауловым и состоящей из трех основных уровней: лексикон – тезаурус – прагматикон (отметим при этом, что «на практике ... взаимопроникновение этих уровней оказывается настолько сильным, что границы между ними размываются, теряют ту четкость, которая присуща им в теоретических построениях» [3, с. 238]).

Основная часть.

С точки зрения особенностей текстовой реализации языковой личности, по мнению ряда исследователей (М. В. Рабжаева, И. Г. Зумбулидзе, О. Гаврилина), авторы-женщины создали особый художественный мир со свойственными ему образами и характеристиками. Говоря о текстах В. Токаревой, сложно выделить один, типичный для большинства произведений образ мужчины. На наш взгляд, в произведениях В. Токаревой четко прослеживается 3 мужских образа и, соответственно, 3 типа языковой личности мужчин. Взяв за основу языковые характеристики (наиболее часто используемые виды речевой деятельности, степень владения компонентами различных уровней языка, количественный и качественный

состав лексикона) и художественные особенности (внешние характеристики, особенности внутреннего мира, способы взаимодействия с другими персонажами) мужских образов, мы условно разделили все мужские образы на три группы:

- «хозяин жизни»;
- «талантливый»;
- «ведомый».

I. «Хозяин жизни».

Эту группу составляют предприимчивые, активные, обеспеченные мужчины. Персонажи такого типа сами ощущают свое превосходство над окружающими. Это выражается, например, в том, что герои, относимые нами в группу «хозяев жизни», в отличие от представителей двух других групп наделены способностью высказывать свои мысли вслух. Эти персонажи свободно сообщают о своих желаниях и нежеланиях. Так, например, герой повести «Одна из многих» Николай часто произносит фразы «Хочу» (39), «Я хочу жить один» (60), «Я хочу развод» (109), «Я хочу быть свободен» (109), «Я хочу тебя вернуть» (66).

«Хозяин жизни» всегда уверен в себе. Николай думает о себе: «...И никогда не был так силен и хороши, даже в молодости. А может, ему так казалось. И еще казалось: так будет всегда. Он хозяин жизни, и все зависит только от него» [9, с. 69]. Однако обратим внимание на то, что размышления даже очень уверенной в себе языковой личности мужчины передаются не от первого лица. Их озвучивает автор. Автор судит о герое, как будто его сознание полностью подчинено автору.

По сравнению с героями, объединенными нами в другие группы, «хозяин жизни» обладает некоторой свободой слова. В зависимости от степени значимости собеседника герой этого типа может быть открытым к диалогу или, наоборот, говорить кратко и лаконично. Так, в ситуации общения с людьми, над которыми герой чувствует явное превосходство, он чаще всего говорит очень мало. В основном раздает указания. В речи такой языковой личности преобладают императивы. Главный герой рассказа «Вместо меня» общается так:

- Ешь, – сказал старик. – И пей. А я посмотрю.
- Смейся, – приказал Соколов.
- Я хочу, чтобы ты занялся с ней любовью, – неожиданно заключил Соколов.
- Надо, чтобы и она этого хотела, – растерялся Ник.
- Все не обязательно. Возьми ее силой. А я посмотрю» [8, с. 9–11].

Еще один пример – Марк (или маэстро) – музыкальный продюсер из повести «Одна из многих». Марк не считает нужным много говорить, объяснять. Для этого есть специальные люди. Тогда как он, маэстро, может просто разрешать или запрещать. В речи маэстро также много императивов.

- Ну пой... – разрешил маэстро.
- Хватит, – сказал маэстро. – Раздевайся.
- Зачем? – не поняла Анжела.
- Можешь не раздеваться? Стас, объясни.
- Вы откуда приехали?

– Из Мартыновки.

– Стас, объясни девушке, – устало попросил маэстро [9, с. 22].

В ситуациях, когда собеседник необходим для решения важных вопросов или интересен «хозяину жизни», герой оказывается более словоохотливым. Например, Николай не боится демонстрировать неподдельный интерес к молодому режиссеру Савраскину.

– Каким образом? – заинтересовался Николай.

Николай с радостным вниманием смотрел на Савраскина. Анжела видела, что они интересны друг другу [9, с. 84].

Как представителя группы «хозяев жизни» Николай отличает то, что он не стесняется оценивать себя вслух: «Я талантливый, здоровый и богатый. Богатые мужчины старыми не бывают. У меня вся жизнь впереди» [9, с. 109].

Не меньший интерес представляет анализ словаря персонажа. Наблюдение над словоупотреблением в дискурсе языковой личности мужчины первой группы позволяет выделить ключевые слова-темы по двум критериям: частоте употребления и разворачиванию вокруг них в тексте наиболее крупных «семантико-тематических групп лексики» [3, с. 81]. По этим признакам в речи героев, объединенных в группу «хозяин жизни», ярче всего проявляются слова «деньги» и «работа». Представитель этой группы Николай признается: «У меня есть только работа и деньги» [9, с. 60]. Тема «деньги» представлена в дискурсе «хозяев жизни» следующими ключевыми словами: *бабло, кусок, штука, доллары, пол-лимона, процент, счет, смета*. К этой семантико-тематической группе примыкают и глаголы, обозначающие действия, связанные с деньгами: *платить, оплачивать, расплатиться, наварить, купить, приобрести*.

Тему «работа» в речи персонажей первой группы составляют в большей степени глаголы: *отработать, поработать, заработать, вкалывать*.

Слова-темы представляют собой идеологемы – «семантико-тематическое обозначение духовных ценностей действующих лиц» [3, с. 82]. В картине мира «хозяев жизни» иерархия ценностей выстраивается таким образом, что основополагающими становятся деньги и работа.

Группа, объединяющая героев «хозяев жизни», самая малочисленная. Но языковая личность этих персонажей представляет определенный интерес с точки зрения их речевого поведения и очень часто составляют контрастную пару с языковой личностью персонажей других групп.

II. «Талантливые».

Герои, объединенные нами во вторую группу, – это всегда интеллигентные, образованные мужчины. Однако автор часто иронизирует по поводу их внешнего вида, иногда подчеркивает отсутствие внешней привлекательности.

Пианист Месяцев из повести «Лавина»: «Его единственные враги – лишний вес и возраст. <...> Он загнал, запустил свое тело сидячим образом жизни, нагрузкой на позвоночник, отсутствием

спорта. И в сорок восемь лет – тюфяк тюфяком» [7, с. 213]. Руслан из рассказа «Странности любви»: «Руслан – из профессорской семьи, интеллектуал, очкарик, писал стихи, заведовал отделом в молодежном журнале» [10, с. 11]. Сценарист Стасик из повести «Случайная связь»: «Он и сам был некрасивый. У него были мелкие глаза и большой нос. Все лицо как бы сформировано вокруг его тяжелого носа» [10, с. 107].

Дискурс языковой личности «талантливых» персонажей справедливо было бы разделить на внешнюю речь и интериоризованную речь. Ю. В. Погребняк понимает под интериоризованным дискурсом «некое внутреннее проговаривание человеком каких-либо мыслей, внутреннюю речь, которая получила свою экстериоризацию, свое вербальное оформление в художественном тексте» [5, с. 276].

Внешняя речь персонажей этой группы представлена обычно репликами в диалогах. Монологи встретить довольно сложно. В диалогах их реплики обычно короткие и односложные:

- Убирайся вон...
- Куда?
- Куда угодно. К ней... К той...
- А можно? – не поверил Месяцев [7, с. 246].

Интериоризованный дискурс представлен чаще всего несобственно-прямой речью. Несобственно-прямая речь – форма передачи чужой речи, в которой совмещаются признаки как прямой, так и косвенной речи. В форме несобственно-прямой речи высказывание какого-либо лица передается от имени автора, но при этом сохраняется не только содержание, но и особенности речи говорящего. Так создается взаимосвязь между образом автора и образами персонажей и вместе с тем единство художественного текста. И. И. Ковтунова отмечает: «Несобственно-прямая речь – одна из тайн писательского мастерства: она позволяет проводить тенденцию автора скрыто, часто незаметно для читателя, воплощая ее в образы. Прием несобственно-прямой речи позволяет освещать одно и то же явление одновременно с разных точек зрения (с точки зрения объективной и субъективной), благодаря чему оно приобретает большую глубину» [4, с. 25].

Детскость (инфантилизм) – определяющее качество для большинства героев-мужчин В. Токаревой – особенно ярко проявляется в описании языковой личности «талантливых персонажей». Многие из них описываются автором как неуверенные в себе, обидчивые, незащищенные. Фотограф Елисеев (рассказ «Антон, надень ботинки!»), отправляясь на несколько дней в командировку, уже в автобусе «стал выбирать себе бабу. Не для мужских игр. Это не суть важно. Ему нужен был кто-то рядом, живой и теплый. Не страсть, а нежность и покой. Уткнуться бы в ее тепло, как в детстве. А она бы шептала: я тут, ничего не бойся» [8, с. 19]. Режиссер Аникеев (рассказ «Коррида») старательно изображает уверенность в себе и независимость (это видно из длинного диалога, в котором герой на редкость многословен), но в конце разговора все-таки не выдерживает: «Он прижимал, прятал ее в себе и прятался сам. Искал

защиты. Ему так нужно было, чтобы Лилька защитила его от всех и от себя самого. Разве он сам не раб своей жизни? Своего таланта? Своего эгоизма? А защита его в Лилькиной любви. Это его защита и его топливо.

– Лилька, ты меня любишь? – прошептал он беспомощно, как нищий. Как собака, подставляющая в драке горло» [7, с. 453].

Снова обратим внимание на то, что автор беспрестанно проникает во внутренний мир персонажа и говорит за него. Самим персонажем вслух произносится лишь вопрос: «Лилька, ты меня любишь?». Все остальное как будто остается между автором и персонажем и передается читателю при помощи несобственно-прямой речи.

Детскость в речи языковой личности персонажей второй группы проявляется и в том, что мужчины часто обращаются к женщинам с просьбами о помощи и поддержке.

- Галя! – громко позвал он. – Посмотри!
- Жена заглянула в унитаз и спокойно сказала:
- Допился...
- Что же будет? – холодея, спросил Елисеев.
- Откуда я знаю?
- У меня рак?
- Песок. И камни. Надо идти к врачу [8, с. 45].

– Скажи что-нибудь, – просил Иван [7, с. 143].

В дискурсе персонажей этой группы можно выделить одну большую ключевую тему – «искусство». Это понятие в речи «талантливых» персонажей обрастает словами, тематически развивающими идею «искусства»: талант, гений, профессия, харизма, музыка, роль, сценарий, сценарист, рукопись, пьеса, стихи, поэт, режиссер, актер, актриса, мюзикл, фильм, съемки, репетиция, картина, мастер, сюжет, герой. Близки по значению и глаголы играть (в разных значениях: «играть роль», «играть мелодию»), работать, писать, творить. В зависимости от сферы деятельности частота употребления тех или иных слов в дискурсе каждого персонажа различна. В то же время картина мира героев, объединенных в группу «талантливых», выстраивается таким образом, что центральное место всегда занимает «искусство».

«Талантливые» герои в текстах В. Токаревой, в отличие от «хозяев жизни», менее уверены в себе, меньше говорят, чаще рефлексируют. По этой причине в дискурсе этих персонажей почти нет монологов. Как правило, за «талантливых» персонажей высказывается автор.

III. «Ведомые».

Не меньший интерес представляют герои третьей группы. В работе данная группа обозначена нами как «ведомые». Это персонажи-мужчины, полностью зависимые от женщины, почти никогда не проявляющие самостоятельности (ни в речи, ни в поведении). Яркой отличительной чертой их дискурса является то, что внешняя речь в нем практически отсутствует. Такая языковая личность мужчины очень редко участвует в диалогах и совсем не проявляет себя в монологической речи.

Один из ярких примеров «ведомых» мужчин – герой повести «Первая попытка» Димычка. Для создания образа Димычки В. Токарева использует прием сравнения: мужчина сравнивается с собакой: «Димычка хронически молчал, но все понимал, как собака. И как от собаки, от него веяло преданностью и теплом» [9, с. 124]. Димычка не просто появился в жизни главной героини Мары, он «стал безмолвно служить», что тоже свойственно именно собаке [9, с. 124]. Или: «Димычка безмолвно пережил с никаким выражением, время от времени подавал голос», «Димычка ходил рядом...» [9, с. 126]. При первом знакомстве с Димычкой автор использует эпитет *бессловесный*. Это действительно так. На протяжении всей повести Димычка проявляет себя как собеседник всего один раз.

Персонажи, которые отнесены нами в третью группу, часто скрывают в себе большой нереализованный по разным причинам потенциал. По многим признакам видно, что они вполне могли бы вести активный образ жизни, проявить себя в любимом деле, но им гораздо привычней та жизнь, которую они проживают, будучи ведомыми женщиной.

Таков, например, Кеша – муж Киры Сергеевны (повесть «Одна из многих»): «*Иннокентий – ведомый. Его надо вести за собой...*» [9, с. 13]. «У Кеши было много общего с Васькой. А именно: ни тот, ни другой ничего не делали, сидели на шее у своих жен. <...>Какое-то время он сидел, ничего не делая, и вдруг понял: какое это счастье – жить только своими интересами. <...> Можно читать хорошие книги, ходить в бассейн, гулять по арбатским переулкам и думать, думать, размышлять...» [9, с. 11]. Очевидно, что перед нами мысли героя, но пересказывает их автор в форме несобственно-прямой речи.

В тексте повести встречаются несколько односложных фраз Кеша, проскальзывающих в разговоре двух женщин. Все остальное домысливает автор. Создается впечатление, что автор лишает героя способности говорить самостоятельно, передавая его слова от себя с помощью несобственно-прямой речи. Особенность дискурса этого персонажа состоит в преобладании интериоризованной речи над внешней.

В этом состоит определенная сложность при анализе словаря языковой личности персонажей третьей группы. Они почти не проявляют себя как участники речевого процесса, зато играют важную роль в рас-

крытии женских образов. Картина мира этих героев остается за пределами внимания автора.

Выводы.

В творчестве В. Токаревой сложно выделить одну, встречающуюся в большинстве произведений, языковую личность персонажа-мужчины. Созданные писательницей образы тяготеют к разным полюсам отрицательного характера, в то время как центр этой шкалы остается обычно пустым. Отношение автора к героям-мужчинам (вероятно, и к мужчинам в целом) четко прослеживается именно на этапе анализа дискурса персонажей. В. Токарева демонстрирует специфический, женский, взгляд на мужчину, который часто оказывается слаб, нерешителен, безынициативен, иными словами, наделяется не самыми лучшими для мужчины качествами.

Литература

1. Гаврилина, О. В. Чувство природы как один из способов создания образа героини в женской прозе / О. В. Гаврилина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – №2(26). – С. 105–114.
2. Зумбулидзе, И. Г. «Женская проза» в контексте современной литературы / И. Г. Зумбулидзе // Современная филология: Материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). – Уфа, 2011. — С. 21–23.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2003.
4. Ковтунова, И. И. Несобственно-прямая речь в современном русском литературном языке / И. И. Ковтунова // Русский язык в школе. – 1953. – №2. – С.18-27.
5. Погребняк, Ю. В. Образность как признак интериоризованного дискурса / Ю. В. Погребняк // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. – 2011. – №1(13).
6. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. – М., 2002.
7. Токарева, В. С. Маша и Феликс: Повести и рассказы / В. С. Токарева. – М., 1999.
8. Токарева, В. С. Не сотвори: Рассказы / В. С. Токарева. – М., 1995.
9. Токарева, В. С. Одна из многих: [повести и рассказы] / В. Токарева. – М., 2007.
10. Токарева, В. С. Сволочей тоже жалко : Рассказы, повесть, киносценарий / В. С. Токарева. – СПб., 2014.
11. Чурилина, Л. Н. «Языковая личность» в художественном тексте / Л. Н. Чурилина. – М., 2011.